

© А. А. Журавлев, 2013 г.
УДК 616.21:92 Верховский

А. А. Журавлев

К ИСТОРИИ, КАК БЫЛ УВО- ЛЕН С ПОСТА ДИРЕКТОРА ПЕТРОГРАДСКОГО МЕДИЦИН- СКОГО ИНСТИТУТА ПРОФЕС- СОР Б. В. ВЕРХОВСКИЙ (к 150- летию со дня рождения един- ственного почетного директора института)

Кафедра истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государ-
ственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова

В исследованиях по истории Петроградского медицинского института уделено немного внимания увольнению с поста директора Петроградского медицинского института профессора Верховского. В издании, посвященном 100-летию юбилею Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова, указывается, что «профессор Б. В. Верховский в 1920 г. подает в отставку с должности директора»¹. Ярославская исследовательница Н. Т. Ерегина, рассматривая развитие высшей медицинской школы, уделила отставке директора всего полстраницы. В ее изложении все сводилось к личному противостоянию военкома и директората. Она пишет, что «деятельность военкома не только спровоцировала напряженную обстановку в вузе, но и привела к отстранению от должности опытного ректора Б. В. Верховского (занимал должность директора, а не ректора. — А. Ж.)»². На первый взгляд, ничем не примечательное событие, подобные которому происходили часто в период Гражданской войны. В это время сменялись ректоры и директора во многих высших учебных заведениях России. В действительности история была неординарной для высшей медицинской школы. Сняли директора Первого высшего медицинского института для женщин, который пользовался заслуженным уважением и почетом. Его увольнение стало проявлением борьбы между традицией подготовки специалистов и отношением к обучению старой дореволюционной профессорской школы и, с другой стороны, требованиями Советской власти. Требование его отстав-

ки носило ярко выраженный политический характер и способствовало ослаблению влияния профессуры в высшей школе.

Б. В. Верховский родился 8 октября 1863 г. (по старому стилю) в Москве. Его отец Владимир Верховский закончил физико-математический факультет Московского императорского университета и выпущен был со степенью кандидата. В дальнейшем он завершил обучение в корпусе инженеров и всю дальнейшую жизнь связал с железной дорогой (служил на Московско-Курской и Войска Донского). Борис Верховский окончил 1-й класс гимназии на территории войска Донского, а затем переехал в Петербург, где закончил II гимназию имени Александра I. Оценки, которые были получены им в гимназии, не позволяли говорить о том, что его ждет успешная научная, педагогическая и административная карьера. В аттестате были выставлены: Закон божий — 4; русский язык и словесность — 3; логика — 3; латинский — 3; греческий — 3; математика — 4; физика и математическая география — 4; история — 3; география — 4; французский — 4³. Выпускники гимназий поступали в университеты на различные факультеты, не стал исключением и Б. В. Верховский. Он подал документы в Петербургский императорский университет на физико-математический факультет естественного разряда. Студент Борис Верховский учился в университете лучше, чем в гимназии. За время обучения в стенах университета он прослушал курсы:

- неорганическая химия, физика, кристаллография, минералогия, зоология, споровые растения, гистология и эмбриология, морфология и систематика растений — и сдал экзамены на «5»;
- аналитическая химия и анатомия — на «4»;
- ботаника — на «3»⁴.

Как отмечал ректор университета, поведения был весьма хорошего. Обучаясь в университете, Б. В. Верховский мог встречаться с будущим коллегой и предшественником по директорству С. С. Салазкиным, который учился на том же факультете. Но, в отличие от товарища по медицинской науке, Б. В. Верховский не был замечен в антиправительственной деятельности.

В Петербургском университете обучался до мая 1884 г., когда подал прошение о переводе его в Императорскую Военно-медицинскую академию. Через 4 года Б. В. Верховский окончил первым Императорскую Военно-медицинскую академию и был награжден премией профессора Буша. Его фамилия была занесена на мраморную доску академии.

¹ 100 лет СПбГМУ имени академика И. П. Павлова. СПб., 1997. С. 16.

² Ерегина Н. Т. Высшая медицинская школа России 1917–1953. Ярославль: Индиго, 2010. С. 32.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.) Ф. 14. Оп. 3. Д. 22317. Л. 2–2а.

⁴ Там же. Л. 24

Б. В. Верховского оставили по конкурсу в числе врачей для усовершенствования и зачислили ординатором в терапевтическую клинику С. П. Боткина, бывшую в то время виднейшей медицинской школой, откуда вышли не только известные представители терапии, но и ряд крупных специалистов других клинических дисциплин, в том числе Н. П. Симановский — основатель отечественной школы отоларингологов. Конференция Военно-медицинской академии утвердила защиту его докторской диссертации в 1891 г. Через три года он был командирован Военно-медицинской академией на 2 года за границу для усовершенствования. За границей Борис Владимирович занимался у лучших представителей отиатрии и ларингологов — Киллиана во Фрайбурге, Бецо́льда в Мюнхене, Люце и Траутмана в Берлине, Шварца в Галле. В должности старшего ассистента клиники горловых, носовых и ушных болезней при академии находился 12 лет, с конца 1892 г. по сентябрь 1904 г. В 1896 г. Б. В. Верховский становится приват-доцентом Военно-медицинской академии. Борис Владимирович был приглашен в Женский медицинский институт лейб-акушером Императорского двора и директором института Д. О. Оттом, первоначально преподавателем болезней уха, горла и носа. В дальнейшем он возглавил кафедру и получил звание ординарного профессора в 1907 г.

Борис Владимирович был назначен на должность директора в 1911 г., после того как Министерство народного просвещения уволило С. С. Салазкина¹. Автономия высшей школы с 1911 г. была ограничена, но Совет института сохранил право выдвигать из своей среды лиц на пост директора учебного заведения. На заседаниях Совета обсуждалось три кандидатуры на эту должность: А. А. Лихачев, который в это время исполнял обязанности директора института (был ученым секретарем Совета), Н. И. Андогский и Б. В. Верховский. 28 сентября 1911 г. Совет института, после того как профессора А. А. Лихачев и Н. И. Андогский сняли свои кандидатуры, приступил к голосованию. За нового директора проголосовали 22, и только 2-е высказались «против». Таким образом, Б. В. Верховский стал четвертым директором института сроком на 2 года. В дальнейшем выборы повторялись каждые два года (1913, 1915, 1917 гг.), и неизменно на пост директора предлагалась кандидатура Б. В. Верховского. Выборы 1913 г. дали редкий результат для высшей школы — за него проголосовали единогласно, случай весьма нечастый в то время. В материалах

заседания Совета института было отмечено, что известие о единогласном избрании профессора Б. В. Верховского «было встречено аплодисментами»². Следует отметить, что коллеги не ошиблись в своем выборе: новый директор оказался ничем не хуже своих предшественников. Кроме руководства Женским медицинским институтом, Б. В. Верховский занимался общественной деятельностью. Больничная комиссия Санкт-Петербургского городского общественного управления направила уведомление, в котором сообщалось, что «Б. В. Верховский избран попечителем Барачной больницы С. П. Боткина»³. Кроме этого, он вел большую научную и педагогическую деятельность.

Директорство Б. В. Верховского пришлось на сложный период развития Женского медицинского института. Во-первых, начались ограничения автономии высших учебных заведений. Во-вторых, в 1914 г. началась Первая мировая война, и вся деятельность института была подчинена обеспечению армии и тыла необходимыми специалистами. В-третьих, в 1917 г. произошли революции, которые резко изменили существующий ритм деятельности учебного заведения. В-четвертых, в октябре 1917 г. к власти пришли большевики, и началась Гражданская война. В этот переломный момент директор не только сумел сохранить институт как учебное заведение, но и сделал многое для того, чтобы были получены новые клинические базы.

Отношения директора с советской властью были напряженными почти с самого начала. В дореволюционный период Б. В. Верховский показал себя как человек, который мог ладить с начальством. Поэтому приход к власти большевиков не был им воспринят «в штыки». Но целый ряд мероприятий Советской власти вызывали его недовольство. И, в первую очередь, это касалось его прямых обязанностей — обучение студентов медицинской науке. 2 августа 1918 г. Советской властью был издан декрет о реформе высшей школы. Согласно этому документу, отменялись все испытания при приеме в высшие учебные заведения. Публикация декрета вызвала несогласие его положений со стороны директора, который направил письмо народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому. Как хороший чиновник и как человек, переживающий за порученное ему дело, он в начале своего письма дал лестную оценку целям декрета: «Я более чем глубоко уверен, что содержание декрета было поднесено его авторам исключительно в видах достижения наибольшей государственной пользы, иначе,

¹ Подробнее об этом написано в работе: *Зимин И. В., Журавлев А. А.* СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова: этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII — начало XX вв.). СПб.: СПбГМУ, 2012. С. 283–294.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 740. Оп. 7. Д. 692. Л. 21.

³ ЦГИА СПб. Ф. 198. Оп. 3. Д. 53. Л. 1.

конечно, и не могло быть. Не может существовать правительственная власть, которая не желала бы добра своему народу. Во всяком случае, такая власть не была бы народной»¹. Но в дальнейшем он выступает с критикой двух основных положений декрета. Это отмена вступительных испытаний, которые позволяли проверять уровень знаний абитуриентов и отсеивать слабых. Женский медицинский институт всегда славился хорошим подбором учащихся. И даже в 1917 г., когда требовательность к знаниям учащихся была снижена, среди подавших заявления в институт был высокий средний балл аттестата. Он писал, что «среди 374 женщин — 126 имеют золотые медали, 49 — серебряные, 131 имеют средний балл в гимназическом аттестате не ниже 4 и только у 10 он колеблется между 3 и 3 1/2. Несколько хуже обстоит дело среди подавших прошение к сроку 172 мужчин, но и среди них 2 кончили уже высшее учебное заведение, 4 имеют золотые медали, 10 — серебряные и у 112 — средний балл в аттестате не ниже 4, и только у 11 он колеблется между 3 и 3 1/2»². Стоит отметить, что даже при высоких оценках в аттестатах отсеивание слушательниц был весьма велик. В 1897 г. были приняты 188 женщин, а завершили обучение в срок, т. е. в 1902 г., — 111. После проведения реформы высшей школы 1922 г. Советская власть рассматривала как нормальное положение прием в институт 250 студентов, а завершение обучения — 150³. Таким образом, отсеивание студентов за период обучения составляло 40 %, что было нормально, поскольку обучение медицинской специальности всегда считалось одной из самых сложных и затратных в высшей школе. И, конечно, то, что произошел отказ от вступительных экзаменов, резко понижало общий уровень знаний поступающих. В то время как потребность страны в медицинских кадрах была очень велика. По оценке Б. В. Верховского, «Россия нуждается в увеличении числа врачей, но именно врачей. Врачей научно образованных, получивших законченную вполне основательную теоретическую подготовку, ознакомленных со всеми наиболее употребительными, современными методами исследования большого организма»⁴. А отмена вступительных испытаний абсолютно не способствовала формированию подобного образа.

Вторая проблема, которую решал институт, заключалась в большом притоке студентов из других учебных заведений. За период 1914 — 1918 гг. в стра-

не произошли огромные изменения, были утрачены территории, которые входили в состав Российской империи, закрыты или эвакуированы учебные заведения, оказавшиеся в зоне оккупации. Согласно декрету от 2 августа 1918 г., в институт должны зачислять студентов из других учебных заведений. В этот период институт строго следовал традиции дореволюционных высших учебных заведений в праве проверки знаний учащихся. Б. В. Верховский выступил против предложенной практики зачисления на старшие курсы. Конфликт возник из-за попытки воспользоваться положением декрета бывшими студентами Юрьевского университета. В основании отказа лежала слабая подготовка учащихся. Указывалось, что «постановка дела на Юрьевских университетских курсах, как это отмечено многими членами факультета, далеко не удовлетворительна. Это было, между прочим, обнаружено и при государственных экзаменах бывших слушательниц Юрьевских университетских курсов при институте в 1914 г., когда из 18 приступивших к испытаниям, выдержали лишь 3 слушательницы. По сему, факультет полагает, что слушательницы бывших Юрьевских университетских курсов могут быть принимаемы в институт лишь на младшие курсы»⁵. Директор института считал, что «прием лиц без надлежащей подготовки непосредственно на старшие курсы был бы вместе с тем и актом несправедливости по отношению к собственным слушательницам института, которые переводятся на старшие курсы лишь после исполнения ряда строгих условий и тщательной проверки их познаний»⁶. Конфликт разгорелся между директором института Б. В. Верховским и бывшей студенткой Юрьевского университета Б. Барской. 4 ноября 1919 г. студентам Юрьевского университета было отказано в праве быть зачисленными на старшие курсы. На следующий день Б. Барская явилась к директору для выяснения отношений. Следует отметить, что время изменило отношения и поведение студентов и профессоров. В записке, направленной факультетскому собранию, профессор Б. В. Верховский писал: «Я должен был выслушать такие выражения, которые за 30 лет учебной службы, мне ни от одного учащегося слышать не приходилось. Не выслушивать было нельзя, так как никакие просьбы прекратить свою беседу со мною на просителя не действовали»⁷. В итоге требование студентов не было удовлетворено, что шло вразрез с декретом

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.) Ф. 3132. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

² Там же. Л. 22.

³ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 116. Л. 2.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 15036. Л. 187.

⁶ Там же. Л. 187.

⁷ Там же. Л. 170.

Советской власти. Студенты подавали жалобы в различные советские органы власти и требовали исполнения положений декрета, но директор института был непреклонен. В письме, направленном в адрес А. В. Луначарского, он писал: «Зачислить Барскую на тот же семестр института, на котором она числилась на Юрьевских курсах, факультетское собрание считает невозможным. За время существования института не возникало сомнения в компетенции института или его совета в решении вопроса, какие курсы из числа прослушанных вне института поступающими в него лицами могут быть зачислены институтом»¹.

Одним из элементов ослабления влияния профессорской курии в управлении высших учебных заведений явился декрет Советской власти о том, что в факультетские собрания должны быть кооптированы представители от студенчества, младшего преподавательского состава и служащих института. При этом профессорская курия получала только $\frac{1}{4}$ состава факультетского собрания. В состав студенческой курии был избран М. Барский, который стал активно противодействовать всем предложениям директора и профессоров. Б. В. Верховский столкнется еще раз с позицией студенчества по отношению к нему. В 1924 г. состоялись перевыборы профессорского состава, чей возраст превышал 60 лет. Он был переизбран, но студенческая фракция отметила: «С желательным изменением в преподавании»². Студенты считали, что его недостатками являлись «излишняя снисходительность в отношениях к учащимся на экзаменах и зачетах; наличие в лекциях чего-то что, по-видимому, мало привлекательно на последнее студенчество, объясняющее их малую посещаемость; некоторые непорядки в ведении практических занятий». Пришлось уважаемому профессору писать объяснительную, которая, конечно, интересна в плане его анализа состояния учебных дел в институте в первой половине 1920-х гг., но мы позволим только отметить последнюю часть его записки. Она представляет понять, в чем заключались сложности преподавания, по мнению Бориса Владимировича: «Выполнение выраженных студенческой группой пожеланий отнюдь не зависит исключительно от одного меня. Как бы ни было это для меня трудно, я могу обещать, лишь быть в будущем году более строгим с учащимися. Изменять характер моих лекций, я на основании мною сказанных, не вижу никаких поводов. Что же касается улучшения практических занятий, то оно станет возможным только

в таком случае, если Правление института внемлет, наконец, всем моим просьбам и предоставит мне должный кредит, необходимый для обновления пришедшего в полную негодность инструментального, учебного и лечебного инвентаря»³.

Решающую роль в увольнении директора института сыграло положение Народного комиссариата просвещения о проведении милитаризации высшей медицинской школы в 1920 г. Проведение этого мероприятия было связано с потребностью Красной Армии в необходимых медицинских специалистах и в стремлении ослабить влияние профессоров в институтах. Так, в разъяснениях о задачах военных комиссаров при высших медицинских учебных заведениях указывалось, что они «следят за проведением в жизнь мероприятий Советской власти, направленных к наилучшей постановке академической части в данном учебном заведении, и как лицо политически-административное сохраняет у себя печать учреждения»⁴. Таким образом, в учебных заведениях складывалось двоевластие. С одной стороны, власть директора, а с другой стороны, без одобрения и согласия военного комиссара ни одно распоряжение директора не могло быть выполнено. Все документы, отправляемые в Народный комиссариат просвещения, должны были подписываться как директором, так и военкомом. Военкомами становились студенты старших курсов, и обязательно члены РКП(б).

В Петроградский медицинский институт был назначен военным комиссаром Григорий Абрамович Вигдорович. Личность достаточно яркая для того времени. Сам он дал себе следующую характеристику: «Я бы сказал нервный и это будет понятно, если принять во внимание, что я по происхождению из крестьянской семьи (Екатеринославская губерния). С девятилетнего возраста лишился родительского дома по бедности и был отдан в ремесленники, и до 22 – 23-летнего возраста был эксплуатирован до крайности капиталистическим строением. Оставаясь до того времени почти неграмотным. С 22-летнего возраста, отдавая свой труд тому же капиталисту, я начал изучать грамоту и, терпя голод и холод, добился среднего образования (экстерном в 1910 году), что дало мне, потом возможность поступить в 1913 г. на медицинский факультет. Школа моей жизни могла иметь влияние в смысле «выработки» во мне не столь нежное обращение, как-то понимают профессора»⁵. Социальное происхождение Г. А. Вигдоровича определило его крайне негативную оценку в отношении профессоров

¹ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.

² ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 109. Л. 1об.

³ Там же. Л. 16.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.

института. Вероятнее всего, даже поступив на медицинский факультет, он с трудом осваивал медицинскую науку и, если бы не военное время, вряд ли смог доучиться до старших курсов. Он дал крайне негативную оценку администрации института: «Управление медфакультетов города Петрограда хорошо знало контрреволюционность профессуры медицинской школы Петрограда (особенно в моем институте)»¹. Следует отметить, что его взгляд, наверняка, носил крайне субъективный характер. В мемуарах Е. Э. Мандельштама, который был в то время студентом Петроградского медицинского института и входил в состав Совета старост института, дана совершенно иная характеристика администрации института. В своих воспоминаниях он пишет: «У меня и у моих товарищей установились добрые отношения с дирекцией института — профессорами Верховским, Лихачевым и другими. Они искали помощи и поддержки в нелегком деле введения в русло учебного процесса беспокойной, крайне пестрой по своему составу студенческой массы первого послереволюционного приема». И добавил к этому: «Ни от одного из них мы не слышали враждебных новой власти высказываний и отказа работать с ней. Профессура стойко и безропотно переносила все лишения: холод, полуголодное существование тех лет»². Единственной силой, которая могла ему противостоять, являлся директор института Б. В. Верховский. Неслучайно именно его отставки добивался Г. А. Вигдорович в своих рапортах, «...ибо пока окончательно не будет разрешен вопрос об удалении Б. В. Верховского, ни о какой нормальной работе не может быть и речи»³. В ход были пущены всевозможные средства, в том числе и прямой оговор и использование революционной риторики. Военный комиссар крайне предвзято оценивал деятельность директора института и считал, что тот просто саботировал проведение милитаризации высшей медицинской школы. Он писал о порядках, которые творились в институте: «Печать гуляла по всем комнатам канцелярии, каждая слушательница писала себе бумаги, и удостоверения каковые только могли ей придти в голову, и печать без всякого к ним прикладывалась. Начинается такая картина: директор на всех просьбах слушателей пишет резолюцию «Не встречается препятствий», даже когда это явно недопустимо существующими законоположениями (как система-

тические отпуска с продуктами) кладя свою резолюцию, директор совершенно игнорировал тот факт, что институт милитаризован»²³. Его абсолютно не смущала экономическая ситуация в стране, которая не позволяла студентам отдавать все силы учебе, а заставляла их искать всевозможные средства к существованию. Следует отметить, что и в 1924 г. некоторые студенты отказывались обучаться в институте, направляя администрации заявления: «По чисто материальному обстоятельству, проживать в Петрограде не можем»²⁴. Действия военкома приводили к обострению отношений между директором и Народным комиссариатом просвещения, что, естественно, не способствовало улучшению взаимоотношений между ними. Б. В. Верховский об этой ситуации писал: «Впервые за всю мою многолетнюю службу народному просвещению мне пришлось столкнуться с фактом недоверия к моей деятельности со стороны начальства, совершенно мною незаслуженно, а потому Вы и не откажитесь понять, насколько это должно было меня взволновать». К этому добавлял: «Обязанности эти в настоящее время более чем когда-либо тяжелы и неблагодарны. Меня удержало сознание, что сим я рискую поставить в тяжелое положение институт, которому я посвятил так много труда и сил и смею думать служил честно и безупречно»²⁵.

Профессура института отстаивала свою автономию и направляла письма в Народный комиссариат просвещения, в которых просили отстранить Г. А. Вигдоровича. Декан факультета профессор А. А. Лихачев, часть студенчества и младшие служащие так охарактеризовали Г. А. Вигдоровича: «Человек, совершенно не способный к исполнению принятой им на себя обязанности, своим незнанием, мелочностью и упорством явно тормозил работу по возрождению хозяйственной и академической жизни института и, в конце концов, сделал таковую совершенно невозможной»²⁶. Военный комиссар Петроградского медицинского института рьяно приступил к деятельности, явно пылая классовой ненавистью к профессорскому составу института. Осознав себя реальной властью, он как настоящий чиновник приступил к формированию своего аппарата. Он обратился с письмом к военному комиссару по Петрограду с просьбой: «Ввиду того, что я крайне обременен работой в институте и ввиду того, что ко мне поступают заявления о раз-

¹ Там же. Л. 2.

² Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/10/mandel.html

³ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 17об.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 121. Л. 11.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 18. Л. 3об. — 4.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

рухе и расхищении имущества института (что заставляет меня принять более близкое участие в хозяйственном аппарате) прошу назначить мне помощника»¹. Его стремление вмешиваться во все дела института и диктовать свои условия способствовало тому, что против него были настроены все работающие и учащиеся в институте.

Первоначально военкомы должны были обеспечивать нормальные условия существования и учебы для студенчества. Им вменялись в обязанность «контроль и руководство при выдаче денежного обеспечения; организация столовых, общежитий, бань, прачечных, мастерских и общее руководство пайковым снабжением, предусмотренного Советом труда и обороны»². В дальнейшем полномочия военкомов расширялись, и они становились реальной властью, которая противостояла старой профессуре. В приказе от 27 ноября 1920 г. указывалось, что военкомы «входят в состав Президиума управления института с правом решающего голоса по всем вопросам институтской жизни. Все официальные бумаги подписываются совместно деканом и военкомом, и без подписи одного из них бумаги считаются недействительными. Отпуска и командировки профессоров, преподавателей и служащих действительны лишь с согласия и разрешения декана и военкома»³. Следует отметить, что военные комиссары провоцировали профессоров на конфликт, вмешиваясь в учебный процесс. Именно в это время появилось объявление: «Студенты выпускного курса, не выдержавшие экзамена у данного профессора, если пожелают, могут экзаменоваться вторично у заместителя профессора в присутствии военкома, о подобном заявлении предлагается ставить в известность управление комиссара»⁴. Подобная деятельность была явно на руку студенчеству: оно могло получить необходимый зачет или экзамен, используя борьбу между профессорами и военным комиссаром.

В конце ноября 1920 г. обстановка в институте была накалена до предела. Сложилось несколько группировок, которые стремились получить большинство в управлении институтом. Во-первых, это директор и профессоры, которые были недовольны происходившим в стенах учебного заведения. Во-вторых, часть студенчества, особенно нового набора, и члены РКП(б), которые стремились полностью изменить ситуацию в учебном заведении. В-третьих, это часть студенчества, которая была недовольна большевистской фракцией в установ-

лении диктатуры в институте. Но вместе с тем они были недовольны и профессорами, но должны были объединиться с ними в борьбе против военного комиссара Г. А. Вигдоровича, который покушался на многие права студенчества. Вся борьба развернулась, когда было принято решение о формировании нового Президиума по управлению институтом.

Следует признать, что активность военкома привела к тому, что 20 ноября 1920 г. Б. В. Верховский написал заявление. Мы позволим себе привести его полностью: «Ввиду того, что сильно за последнее время, пошатнувшееся мое здоровье препятствует мне продолжать с должным успехом совмещать моей преподавательской работе в институте с исполнением административных обязанностей по его управлению, прошу факультетское собрание ходатайствовать об увольнении меня от должности директора института»⁵. Как и с увольнением С. С. Салазкина, расходилось официальное и неофициальное мнение об отстранении директора от должности. В приказе было написано, что «директор института профессор Верховский устраняется от занимаемой должности вследствие обнаруженной им неспособности выполнять свои обязанности в соответствии с условиями и задачами милитаризованной медицинской школы»⁶. Его коллеги и студенты решили несколько смягчить его уход, и на факультетском собрании было принято решение «...избрать в почетные директора института Б. В. Верховского, согласно следующему проекту о сей должности:

1) должность почетного директора при Петроградском медицинском институте замещается по особому каждый раз постановлению факультетского собрания;

2) избрание в почетные директора производится закрытой баллотировкой, причем избрание требуется не менее $\frac{2}{3}$ избирательных голосов из числа принимавших участие в голосовании;

3) почетный директор состоит непременно членом факультетского собрания, совещательным членом Президиума и председательствует на торжественных заседаниях факультета как-то: актовых, юбилейных и тому подобных заседаниях.

Особого вознаграждения почетный директор по сей должности не получает»⁷.

Против этого предложения выступил Г. А. Вигдорович с предложением от коллектива коммунистов, который предлагали «снять с повестки вопрос

¹ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

² ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

³ Там же. Л. 5.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 29. Л. 260.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 25а. Л. 80.

⁶ Там же. Л. 91.

⁷ Там же. Л. 87.

об избрании профессора Б. В. Верховского в почетные директора, мотивируя это тем, что во-первых, должность директора как активного технического работника не совместима с понятием «почетный», и во-вторых, что в этом можно усмотреть демонстрацию против высших властей»¹.

Кроме избрания его почетным директором института, некоторые преподаватели выказали свое отношение к увольнению директора, который руководил учебным заведением в самый сложный период. Так, Л. М. Горовиц-Власова² отметила, что увольнение директора «является актом неуважения к науке и едва ли может содействовать укреплению отношений между властью и высшей школой»³. Кроме этого, мнение факультетского собрания высказал Ю. Ю. Джанелидзе: «Усматривая в этом увольнении директора акт насилия над высшей школой, протестует против такого способа увольнения директора института. И считает нужным указать, что это не есть путь, ведущий к взаимному доверию, необходимому для плодотворной работы в деле медицинского образования, столь нужного в данный момент стране»⁴. В этой непростой обстановке в феврале 1921 г. факультетское собрание приняло решение «избрать профессора Б. В. Верховского в почетные директора института — против выступили коллектив коммунистов. При голосовании он был избран 44 голосами против 1»⁵.

Отставка профессора Б. В. Верховского стала пирровой победой для военкома Г. А. Вигдоровича, который вскоре сам был вынужден покинуть свой пост. Причем в январе 1921 г. его дело рассматривала специальная комиссия, которая отметила, что «с первых же минут был встречен не дружелюбно, особенно реакционными, а иногда и прямо контрреволюционными группами студенчества и профессуры. Отсутствие хорошего руководящего начала и инспектирование разрушенного институтского аппарата, и работников, отсутствие инструк-

ций данных сверху во взаимоотношениях к институтским группам создали нездоровое и ненормальное положение во взаимоотношениях»⁶. К концу 1921 г., в связи с окончанием Гражданской войны, эта должность была ликвидирована. По оценке одного из представителя Народного комиссариата просвещения, деятельность военкомов оказалась половинчатой и не решила всех возложенных на них задач. В докладе Рутейникова «О порядке ликвидации военкомов на медицинских факультетах» были сделаны следующие выводы: «1. Военкоматы на медицинских факультетах, несмотря на некоторые недочеты, проделали значительную работу в смысле поднятия политического уровня академической и хозяйственной жизни медфаков путем контроля над педагогическим персоналом и учащимися; 2. Расформирование военкоматов, безусловно, ослабит коммунистическое влияние в высшей школе и развяжет руки потерявшей чувство меры в своих стремлениях к освобождению от всякого советского влияния профессорской касты; 3. Опыт введения в жизнь нового положения показал, что ставка на коммунистическое большинство в управлении вуза не оправдалась»⁷.

История отставки Б. В. Верховского, как видно из архивных материалов, представляется как противостояние различных группировок, сложившихся в институте в годы Гражданской войны. Кроме этого, налицо стремление Народного комиссариата просвещения устранить неудобных профессоров и ограничить автономию института. Не будем забывать, что вскоре произойдет событие, известное в истории как «философские пароходы», когда из страны были высланы известные деятели культуры, науки и искусства. Конечно, и личная неприязнь военкома Г. А. Вигдоровича сыграла свою роль в этой отставке. Совокупность этих обстоятельств привела к тому, что Б. В. Верховский сложил с себя полномочия директора института.

¹ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 80. Л. 112.

² О ней подробнее см.: *Зимин И. В., Журавлев А. А.* Указ. соч. С. 319–324.

³ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 30об.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 42. Л. 1а–2.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 2770. Оп. 1. Д. 57. Л. 8.